

Людмила ЕНИСЕЕВА-ВАРШАВСКАЯ

Ермухан Бекмаханович Бекмаханов (1915–1966) – первый в Казахстане и в Средней Азии доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук. Автор монографий «Казахстан в 20-40 годы XIX века», «Присоединение Казахстана к России», «Очерки по истории Казахстана XIX века», а также учебников для средней школы. Основатель кафедры истории Казахстана в КазГНУ им. аль-Фараби.

Это был процесс века. Процесс, в завершении которого прозвучало следующее: «Материалами предварительного следствия, проверенными судебным следствием, устанавливается, что обвиняемый Бекмаханов, используя свое положение научного работника в области исторической науки, в течение 1942-1951 годов извращал и фальсифицировал исторические факты в своих работах, в выступлениях пропагандировал буржуазно-националистическую идеологию, восхвалял феодально-байский строй и его реакционных ханов и султанов, (боровшихся против русского народа и стремившихся сохранить средневековые порядки в Казахстане...). На основании вышеизложенного и руководствуясь статьей 319 и 320 УПК РСФСР, коллегия приговорила: Бекмаханова Ермухана по статье 58-10 часть 2 УК РСФСР с санкции статьи 58-2 подвергнуть к 25 (двадцати пяти) годам заключения в исправительно-трудовом лагере с поражением в избирательных правах сроком на пять лет и с конфискацией лично принадлежащего ему имущества».

Да, именно такой приговор был вынесен 4 декабря 1952 года одному из светлейших людей минувшего столетия – первому в Казахстане доктору исторических наук, члену-корреспонденту Академии наук Казахской ССР Ермухану Бекмаханову за якобы националистические взгляды, выраженные в его трудах и высказываниях. То была третья волна сталинских репрессий, и одной из составных ее стала кампания «буржуазного национализма». Она-то и определила трагический поворот в судьбе Бекмаханова.

Ермухан Бекмаханов из плеяды ученых-борцов

Начиналось же все с того, что в годы войны в Алма-Ату из Москвы была эвакуирована группа ведущих историков страны во главе с членом-корреспондентом Академии наук СССР Анной Михайловной Панкратовой. В нее входили десять высококвалифицированных специалистов. Пятеро из них, занимавшихся до этого Казахстаном, изъявили желание подготовить вместе с местными учеными «Историю Казахской ССР» – книгу, которая, оказывается, уже значилась в планах Наркомпроса республики. 26-летнему координатору его, в недавнем прошлом выпускнику исторического факультета Воронежского пединститута Ермухану Бекмаханову, делавшему все для того, чтобы создатели этого труда как можно ближе познакомились с жизнью и культурой его народа, было доверено написать главу о национально-освободительном движении казахов 1837–1848 годов под руководством султана Кенесары Касымова против колониальной политики царизма. Не прошло и двух лет, как в июне 1943 года, к моменту возвращения москвичей домой этот самый том «Истории Казахской ССР» вышел из печати, и несколько экземпляров его Ермухан успел привезти прямо к уходящему поезду. Все были счастливы – то был конкретный, реально ощутимый результат, сотворенной ими в рекордно короткий срок работы. Все были горды – это был первый в СССР опыт создания сводной, систематизированной истории национальной республики. Замечательное начинание это было решено отметить Сталинской премией, а

начинающий свой путь в науке Ермухан Бекмаханов разработал написанную им главу о движении Кенесары в отдельное монографическое исследование и на его основе тогда же в Институте истории Академии наук СССР защитил кандидатскую диссертацию.

Однако высшей награды страны создатели «Истории Казахской ССР» не получили. На втором заседании Комитета по премиям один из профессоров оценил книгу как антирусскую, поскольку в ней будто бы идеализировалось национально-освободительное движение против царских властей. Идеализации у Бекмаханова не было, а выступление против российского самодержавия не есть борьба против русского народа. Идеологическое передергивание вступало в противоречие с логикой, и не только в случае с Казахстаном. Те же обвинения были предъявлены грузинам, азербайджанцам и башкирам, взявшимся написать историю своих народов. И по настоянию Анны Михайловны Панкратовой в Москве прошло несколько совещаний, где на примере казахстанской монографии обсуждался вопрос колониальной политики царизма и местных антиколониальных движений. На одном из них в присутствии Жданова, Маленкова и Щербакова критика в адрес создателей «Истории Казахской ССР» и Бекмаханова, в частности, прозвучала вновь. ЦК компартии республики принял решение о новой редакции книги, а автор злополучной четвертой главы превратился в объект общественного порицания и обличительных выпадов в печати.

Но печать печатью, а переполненный историческими и архивными сведениями и собранными материалами Ермухан Бекмаханов развивает поднятую им тему, придает ей форму диссертации под названием «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» и с блеском защищает ее в Москве. Теперь он – первый как в нашей республике, так и во всей Средней Азии доктор исторических наук, благодаря чему его назначают заместителем директора новообразованного Института истории, археологии и этнографии только что открывшейся Академии наук Казахской ССР. Казалось бы, вот он, триумфальный взлет молодого дарования, вот оно, заслуженное признание! Но именно в это время Москва меняет свое отношение к национально-освободительным движениям на окраинах царской империи. «Чем больше обострялась «холодная война», начатая против СССР бывшими союзниками, – объясняет один из учеников Бекмаханова, доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК Кенес Нурпеисов (уже ушедший из жизни. – Ред.), – тем громче озвучивалась концепция добровольного присоединения «малых народов» к России и прогрессивных последствий этих актов. Требовалось приглушить тему экспансии. Колониальная политика царизма отходила на второй план, любые выступления против нее считались реакционными, и восстание Кенесары вновь не укладывалось в Прокрустово ложе удобной на тот момент официальной истории».

С ним-то, автором этих слов – Кенесом Нурпеисовичем Нурпеисовым мы и беседуем.

В Прокрустовом ложе истории

– Работа Бекмаханова, – говорит он, продолжая только что сказанное, – подверглась резкой критике со стороны идущих в ногу с насущной идеологией историков. Особенно досталось его монографии «Казахстан в 20-40-е годы XIX века», где рассматривались взаимоотношения казахов с царской Россией и среднеазиатскими ханствами, а также историческая обстановка, породившая национально-освободительное движение Кенесары Касымова. Не помогла высокая, убедительно аргументированная оценка ведущих историков страны Панкратовой и Грекова, а также входивших с ними в группу создателей «Истории Казахской ССР» Дружинина, Вахрушина, Вяткина, Кучкина и других, высказанная на специально организованном в феврале 1948 года большом диспуте с присутствием членов ЦК ВКП (б). Все шло согласно веянию времени. Цепь одиозных партийных постановлений 1946 года, начатая с разгрома журналов «Звезда» и «Ленинград», открыла путь новой волне политических репрессий против интеллигенции. Нападки на Бекмаханова становились все настойчивее и упорнее. Противники, а это была целая группа казахстанских историков, старались доказать, что в его лице мы имеем

буржуазного националиста, и книга его оказывает вредное влияние как с научной, так и с политической точки зрения.

– **То есть, герой дня превращался в мальчика для битья?**

– Я бы сказал – в изгоя. 33 вызова на ковры – такова, по словам жены Бекмаханова Халимы Адамовны, статистика его мытарств в то время! Ковры местные и союзные, парткомовские и цэковские, институтские и академические. Разборки и разносы, заседания и совещания, дискуссии и обсуждения, требования подчиниться и покаяться. А с появлением в декабре 1950 года в «Правде» статьи Тлеукажи Шоинбаева, Хадичи Айдаровой и Александра Якунина «За марксистское освещение вопросов истории Казахстана» и выпуском брошюры Шоинбаева «Против националистических извращений в освещении реакционного феодально-монархического движения Кенесары Касымова» началась широкая всереспубликанская кампания по их «изучению». На партийных собраниях, ученых советах, вузовских кафедрах, школьных педсоветах, районных собраниях интеллигенции и комсомольского актива шло бичевание Ермухана Бекмахановича. И как пик всей этой эпопеи – пятидневная дискуссия в переполненном зале родного академического Института. Не дискуссия даже, а судилище, средневековое аутодафе со стенограммой в двенадцать печатных листов.

– **Той самой, которую вам удалось опубликовать?**

– Да, пять лет назад. Бесценный документ этот воссоздает всю расстановку сил в самом громком в тот период деле. По уровню научного анализа, своим оценкам и выводам участники дискуссии делятся на несколько групп. Первая та, что охайвала книгу. Эти люди не всегда опирались на глубокое знание проблемы и научную аргументацию, а больше употребляли ходовые в то время ярлыки – «национализм», «меньшевизм», «донкихотство» и т. д. Жонглировали цитатами классиков марксизма-ленинизма и, в первую очередь, живого тогда Сталина, пристегивая их к любому вопросу без учета конкретной исторической ситуации. Решительно выступали они против концептуальных положений Бекмаханова и заключали свои речи скоропалительными выводами. Вот несколько цитат. «Книга Бекмаханова по своему содержанию получилась научно несостоятельной, буржуазно-националистической, аполитичной. А поэтому следует немедленно изъять ее из пользования» (Т. Ж. Шоинбаев). «Работа Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» является в научном отношении путаной и в политическом отношении вредной» (С. Е. Толыбеков). «Та оценка, что дана товарищами Шоинбаевым и Толыбековым, вполне правильна. А товарищи, которые защищали Бекмаханова в Москве, санкционируют его националистические взгляды» (М. В. Жизневский). «Бекмаханов опирается на материалы буржуазных историков, царских чиновников (т. е. – архивные. – Ред.), произведения придворных поэтов (фольклорные источники. – Ред.) и на сочинения алаш-ординских лидеров (исторические изыскания М. Тынышпаева, Х. Досмухамедова и других. – Ред.) (М. Б. Аманжолов).

– **Но ведь это все равно, что уничтожить человека. В те времена достаточно было и одного из этих определений, чтобы противник твой угодил если не под расстрел (тогда уже, кажется, не расстреливали), то в лагерь.**

– А так оно, собственно, и получилось. Разбирательство это, в конечном счете, перетекло в судебный процесс. Но это потом, а пока вернемся к дискуссии. Вторая группа ее участников (И. У. Будовниц, А. М. Жиренчин, Е. Д. Дильмухамедов), наоборот, хвалила книгу, не замечая ее явных недостатков. А третья (А. Н. Нусупбеков, Т. Е. Елеуов, Х. М. Адильгереев, Б. Аспандияров, Т. А. Культелеев и другие) отличалась аналитическим подходом к монографии Бекмаханова. Выступления были яростными и горячими, нередко взаимоисключающими. Одни отстаивали истину, другие демонстрировали приверженность к сущей власти и ее настроениям. Какие-то замечания были дельными, для науки полезными, какие-то – для красного словца. Ясно было одно: 20-40-е годы XIX века – один из сложнейших узлов истории казахского народа, и распутал его Бекмаханов (и именно так показало время) совершенно объективно. Эту-то

объективность он и отстаивал до конца. «На пути больших и трудных исканий, – сказал он в заключительном слове, – могли быть промахи и недостатки. Тем более, что среди моих коллег – историков-казахов – мне выпала честь первым, набравшись смелости, пробежать марафонскую дистанцию по очень сложному и запутанному вопросу. Худо ли, хорошо ли – этот бег был завершен». Дальше последовала фраза: «Мне думается, что это не последний суд моей книги». В словах этих таилась уверенность ученого в открытой, аргументированной и справедливой оценке его монографии. Но этого не случилось.

– **А что же тогда случилось?**

– А то, что борьба вокруг книги набрала обороты. Только теперь говорили уже не о ней, а о самом Бекмаханове, приписывая ему один за другим политические и идеологические грехи. Затем в декабре 1950 года в «Правде» появилась статья Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина, где всенародно подвергалась критике его книга, а восстание Кенесары – основной объект травли Ермухана Бекмахановича – объявлялось не народно-освободительным движением, а реакционным, феодально-националистическим и монархическим выступлением казахской знати. Это было началом политической расправы над ученым, которая превратилась в форменное состязание. Публикация главной газеты страны обсуждалась на партсобраниях, ученых советах, кафедрах вузов, педсоветах школ и учебных заведений, комсомольских активах. В помощь проработчикам массовым тиражом была выпущена брошюра Шоинбаева «Против националистических извращений в освещении реакционного феодально-монархического движения Кенесары Касымова».

– **Да, формулировочка что надо! И это был, вероятно, настоящий апогей?**

– А как же! С последующим изгнанием Бекмаханова из университета, исключением его из партии, высылкой из Алма-Аты и, в конечном счете, арестом. В результате – 25 лет лишения свободы с отбыванием в одном из дальних лагерей ГУЛАГа.

– **Что именно ему инкриминировали?**

– К уголовной ответственности он привлечен был и осужден как «буржуазный националист и антисоветчик». Правда, безумный срок его был укорочен смертью «вождя всех народов», после которой последовала реабилитация, и он снова получил возможность заниматься своим любимым делом. Ему была возвращена университетская кафедра истории Казахской ССР, организатором которой он был сам. Последние десять лет жизни стали для него самыми плодотворными. Он подготовил несколько солидных монографий, среди которых созданные с привлечением новых архивных материалов «Присоединение Казахстана к России» и «Очерки истории Казахстана XIX века», дал путевку в большую науку десяткам своих учеников, занимался педагогической деятельностью, написал школьный учебник по истории Казахстана. В 1962 году за крупный вклад в развитие исторической науки Ермухан Бекмаханович был избран членом-корреспондентом республиканской Академии наук. Он ушел из жизни очень рано, в расцвете творческих сил. Одной из главных причин этого явились годы репрессий.

– **Скажите, а как попала к вам стенограмма этой пятидневной дискуссии?**

– В октябре 1978 года, через тридцать лет после тех памятных событий скончался академик Покровский. Я тогда работал в его отделе, и меня включили в комиссию по его архивам. И вот в одном шкафу я нашел рукопись, которая наполовину уже была съедена мышами. Смотрю, рукой Сергея Николаевича написано: «3-й экземпляр стенограммы обсуждения монографии Ермухана Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы XIX века». И – полностью зафиксированные выступления 24-х человек, участвовавших в ее обсуждении.

Итак, я нашел уникальный документ. А что делать дальше? Бекмаханов был реабилитирован еще в 1954 году, а монография «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» лежала в московском спецхране. Лишь в 1992 году один из верных учеников Ермухана Бекмахановича – доктор исторических наук Абу Такенов сумел извлечь ее оттуда и переиздать. И это открыло нам с Халимой Адамовной дорогу при выпуске стенограммы. Однако, взявшись за ее подготовку, мы встали перед дилеммой: называть все имена

выступавших или не называть? В речах многих из них было немало острых, яростных, горячих и нелицеприятных слов, жестких, уснащенных ходовыми политическими ярлыками обвинений в адрес Бекмаханова. Они осуждали его, требовали сурового наказания и изъятия из обращения книги. Но ведь то было тогда. А как же сегодняшние потомки этих людей? Что этично и что неэтично с позиций нынешнего времени? Как обойтись с такой важнейшей для истории и историков категорией, как истина? И, взвесив все это, мы решили так: ни одной буквы не убираем, ни одной запятой не добавляем. Издаем, как есть, – слово в слово.

– **Значит, здесь, в этом уникальном свидетельстве времени представлен весь драматизм тогдашней ситуации?**

– Да, вся расстановка сил в самом громком деле того периода. И еще, я добавил бы, – стойкость Бекмаханова, чья личность стала знаковой для Казахстана, и вокруг которого разыгрывался этот демонический спектакль. Я рад, что нашел в лице Халимы Адамовны хорошего соавтора и консультанта. Книга стала достоянием просвещенной публики, а читается она сегодня как остросюжетный роман, из которого можно сделать несколько серий захватывающего фильма. В процессе работы мы с Халимой Адамовной много говорили о жите-бытье. И вот однажды она сказала, что лишь в последние десять лет после возвращения Ермухана из ссылки они нормально питались и одевались. Так это что же, подумал я тогда, выходит, что все остальное время они были стеснены во всем! Казахи говорят, что счастлив тот мужчина, после которого остается верная, понимающая жена, сохраняющая его честь и достоинство. Халима Адамовна оказалась именно такой.

2005 г.

**«Не любить его
было невозможно»**

Кенес Нурпеисович прав – Халима Адамовна Бекмухамедова – открытый, живой и общительный человек. Жена Ермухана Бекмаханова, она много сделала для сбережения его памяти. И особенно ценно то, что она, кандидат педагогических наук, преподаватель русского языка в КазПИ имени Абая, написала свои воспоминания о самом близком ей человеке. Вышли они под названием «Вместе 20 лет», и в одном из эпизодов их запечатлен момент появления на свет монографии Ермухана Бекмахановича «Казахстан в 20-40 годы XIX века».

– Книга вышла, – вспоминает она, – и первые, кого пригласил Ермухан домой, были рабочие типографии. «Вот эти люди, – сказал он, – помогли мне сделать главное дело моей жизни, и я бесконечно им благодарен». Стульев не оказалось, мы постелили на пол газеты, а я хорошо готовлю плов, потому что прожила шестнадцать лет в Узбекистане. Я приготовила его, и мы отпраздновали это событие. Боже, как Ермухан радовался, как был счастлив! И вот когда я эту книгу вижу, всегда вспоминаю этот день.

В основу монографии легла недавно защищенная им в Москве диссертация, за которую он под аплодисменты собравшейся аудитории был удостоен степени доктора исторических наук. Защита проходила в октябре 1946 года в огромном зале Института истории Академии наук СССР на Волхонке. Большой синклит светил советской исторической науки, в зале болеющие за Ермухана москвичи и казахстанцы – Бауржан Момышулы, Каныш Сатпаев, Малик Габдуллин, Карим Мынбаев и другие. Вопросы, ответы, споры, полемика. И в конечном счете – все «за», исключая один голос. Растроганный Каныш Имантаевич финансирует дастархан для московских ученых. На второй день мы продолжаем праздник просмотром «Евгения Онегина» в Большом театре.

Потом была Алма-Ата, доведение диссертации до уровня монографии. Казалось, чего бы не радоваться? Но, увы! Кто-то из коллег не может перенести его блистательного и скорого успеха. Ведь Ермухан теперь автор первого печатного труда о судьбах своего народа, первый казахский историк, удостоенный докторского звания. Кто-то не согласен с его выкладками и доводами. Кто-то не хочет поверить, что всего за какие-то три года этот тридцатилетний умник сделал докторскую. Да, сделал! И это было огромное исследование

истории очень сложного для Казахстана периода. Большой, внушительный, в семьсот с лишним машинописных страниц труд, определяющий магистральные направления встающей на ноги исторической науки республики. Я, например, только нумеровала эти страницы, и то потратила целый день. Там одна библиография использованной им литературы и список архивных материалов объемом на целую брошюру!

Но выход книги совпал с тремя убийственными для интеллигенции союзными постановлениями, за которыми последовало наше, казахстанское – о грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы республиканской Академии. И это была почва для обвинения целого ряда ученых, в том числе и Ермухана.

– Обвиняли в чем?

– В буржуазном национализме и антисоветской пропаганде. Говорили, что он не внес ничего нового и вообще все списал. «В 1947 году в Москве, – читаем мы в воспоминаниях одного из авторов «Истории Казахской ССР», академика Дружинина, – было получено заявление, обвинявшее диссертанта Бекмаханова в систематическом плагиате. Утверждалось, что новая монография его «Казахстан в 20-40 годы XIX века» – не самостоятельный труд, а изложение неопубликованной рукописи умершего историка Рязанова. Мне было предложено Институтом истории СССР внимательно сличить тексты сочинения Рязанова и книги Бекмаханова. Было очень нетрудно показать полную необоснованность выдвинутого обвинения. И структура обеих работ, и привлеченный фактический материал, и методы его обработки, и общие выводы были совершенно различными и не давали никакого основания обвинять автора диссертации в каком-либо заимствовании. Тем не менее, нападки на Бекмаханова становились все настойчивее и упорнее. Противники старались доказать, что в его лице мы имеем буржуазного националиста, и что книга эта оказывает вредное влияние с научной и политической точки зрения. Бекмаханову нужно было проявить большую стойкость и энергию, чтобы дать отпор несправедливым обвинениям. Он неоднократно приезжал в Москву, и всякий раз ему удавалось защитить свою основную точку зрения».

Никакого плагиата у Бекмаханова не могло быть и в помине. Это был оригинальный научный труд, основанный на изучении огромного документально-исторического материала и поднимающий никем еще не тронутые пласты. Работая в архивах Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Чкалова, Ташкента, Ермухан рассмотрел возглавленное Кенесары движение на широком социально-экономическом фоне, связав его со стремлением решить усложняющуюся земельную проблему, урегулировать межродовые распри казахов путем создания централизованного феодального государства.

– Словом, обвинений было хоть отбавляй!

– Что да, то да, и четыре года до ареста были для Ермухана очень тяжелыми. У него отобрали все степени, исключили из партии, но я не помню, чтобы он когда-либо пожаловался, на кого-то озлобился, раскис или опустил руки. Это был удивительно собранный и убежденный человек. После смерти Сталина он написал из лагеря заявление на имя Хрущева, где говорил, что концепция прогрессивности движения Кенесары, за которую ему присудили 25 лет, была официально признана руководством ЦК КП Казахстана. А это значит, что правота была и осталась за ним, автором исторических трудов. «И когда на бюро ЦК, – продолжал он, – министр внутренних дел республики назвал меня националистом и врагом народа, я возмутился и ответил ему: «Никогда националистом я не был, и на этот путь никто меня не столкнет». Оно действительно было так, потому что Ермухан по природе своей не мог быть националистом, он писал объективную историю. Без каких-либо реверансов прошлым и бытующим властям, русскому или казахскому народу. На высоком, достойном уровне поднял множество очень важных политических, экономических, культурных вопросов, проясняющих и укрепляющих многолетние связи Казахстана с Россией.

– Но ведь он постоянно ходил по лезвию ножа.

– Безусловно. И все эти годы ежечасно был готов к тому, что его могут забрать. Понимая это, москвичи все время пытались помочь ему. К этому тревожному периоду относится письмо Панкратовой к куратору по линии ЦК КП (б) Казахстана, а затем и главному редактору новой редакции «Истории Казахской ССР» и секретарю ЦК по пропаганде и агитации Ильяссу Омарову, датированное октябрём 1949-го года. Пытаясь хоть как-то оградить Ермухана от очередного витка травли, она писала: «Читали ли вы в «Вопросах истории» рецензию товарища Кима? На мой взгляд, она свидетельствует о том, что среди ряда историков существует стремление ухудшить историю казахского народа вопреки исторической правде. Я совершенно не понимаю, почему грузинские цари или узбекские ханы могут считаться при аналогичных исторических условиях прогрессивными деятелями, а казахи должны чернить Аблая или Кенесары Касымова? Я ни в коем случае не могу встать на этот антиисторический путь оценки виднейших деятелей казахской истории. Тем более что так называемые критики не подтверждают свои выводы решительно никакими документами и фактами».

– **Такое письмо в те времена было смелостью даже для главного историка страны, коим была Панкратова.**

– Она вообще очень много сделала для Ермухана. Недаром он считал ее своей второй матерью. В том, что она была действительно таковой, я убедилась, когда ему присудили 25 лет. После приговора я была в совершенной растерянности и не знала куда кидаться. Мама, дети, лишение работы, несправедливость наказания мужа... И я решила поехать в Москву к Анне Михайловне. Боже, как она меня приняла! И это несмотря на то, что я перешла теперь в разряд жен «врагов народа», и одно общение со мной было более чем опасно. Но она меня приютила, обогрела, как могла, так успокоила и пообещала при первой же возможности хлопотать за Ермухана. Надежды на это было мало, потому что она, к тому времени уже член ЦК ВКП (б), не имела права за кого-либо ходатайствовать. И, тем не менее, она сказала: «Если обстановка хоть чуть-чуть прояснится, я постараюсь выволить его беды. Никакой он не враг, он настоящий ученый со своим видением и своими принципами». И действительно, как только на смену Сталину пришел Хрущев, она сразу стала хлопотать. Стучалась во все двери, писала во все инстанции, обращалась к самому Хрущеву, чем и помогла Ермухану раньше всех высвободиться из заключения и получить реабилитацию.

– **Раньше всех – это когда?**

– 16 февраля 1954 года его привезли из лагеря, находившегося под Бодайбо, в московскую Бутырку и в тот же день вручили справку о прекращении «Дела». Затем извинились за все случившееся и предложили поправить здоровье на курорте или в санатории. Но он отказался и тут же отправился к Анне Михайловне. Она приняла его по-матерински. Дала деньги и сказала: «Прежде чем ехать в Алма-Ату, ты должен хорошо одеться. У тебя есть враги, так пусть они не думают, что они тебя уничтожили». И он говорит: «Я поехал, купил себе ратиновое пальто, прекрасную шапку, отличные туфли. Но не хватило денег на шарф. Узнав об этом, Анна Михайловна тут же протянула несколько купюр: «Вот тебе, иди и купи! И рубашку тоже, и подарки детям!». И когда вчерашний лагерник вернулся домой и пришел в Академию, все были потрясены. Вот такая она была, Анна Михайловна! Когда она умерла, Ермухан, приехав из Москвы с похорон, сказал мне: «Я никогда в жизни, даже там, в неволе, не знал, что такое сердце. А вот во время прощания с Анной Михайловной понял, где оно находится».

– **Список трудов Ермухана Бекмахановича очень и очень внушителен, если учесть ту обстановку, которая сложилась вокруг него...**

– Перечень этот мог быть, конечно, обширней. Планов у него было много, но постоянные дерганья не располагали к работе. Отнимали время, силы, мешали психологически. Не было и нормальных бытовых условий – мы мотались по частным квартирам, и материально ему было очень тяжело. Чтобы поехать в Москву – а туда на

разборки его вызывали беспрестанно, он вынужден был либо одалживал деньги, либо ехать зайцем, садясь в депутатский вагон, скажем, к Малику Габдуллину.

– **Вы любили его?**

– Да, да! Не любить его было невозможно. Когда мы встретились с ним в Ташкенте, в библиотеке, где он занимался, он мне понравился сразу. Видать, была судьба. Но сыграло роль, видно, еще и то, что я была из семьи репрессированных. По материнской линии мой дед – зайсанский купец Пидахмет Бобкин, а отец – Адамбек Бекмухамедов, алашординец. И поскольку шли гонения как на богатеев и неугодных советской власти, оба были арестованы и погибли в тюрьме, мама с детьми спасалась в Ташкенте. У Ермухана тоже было не все благополучно. Родители рано умерли в голодные годы, брат, который воспитывал его, тоже умер по болезни и т. д.

Он был очень красивым. Он даже в работе был красив. Вот когда в нее погружался, я тихо-тихо к нему подходила. Чай подам, стою рядом – не налюбуюсь. А когда умирал он, девятнадцать дней я около него в больнице сидела, и однажды он мне сказал (он любил говорить «в целом»): «Были приливы и отливы, но в целом мы прожили хорошо». Он был талантлив. Природа запрограммировала его на благородство, высокую жизнь интеллекта. Бытующая в сталинские времена система тыкала таких, как он, носом в грязь – мол, не думай, что ты что-то там из себя представляешь, не воображай, что ты семи пядей во лбу. Говорят, автор труда о Шамиле, находясь в такой же, как Ермухан, ситуации, покончил собой. Не выдержал бедный. А Бекмаханов выдержал, выстоял. С наступлением хрущевских времен получил как бы второе дыхание и оставшуюся дюжину лет работал, работал и работал. Правда, что бы он ни делал, он, мне кажется, всегда был начеку, готовый в любую минуту оберечь от посягательств такую дорогую для него истину. Казахской истории, я считаю, повезло, что ею занялся такой человек, как Ермухан. Преданный науке, целеустремленный и убежденный в своей правоте, он выполнил свой долг настолько, насколько позволили ему время и обстоятельства.

Память светлая, благодарная

Итак, безумный срок, присужденный Бекмаханову, был укорочен смертью «вождя народов». Последовала реабилитация, Ермухан Бекмаханович снова получил возможность заниматься любимым делом. Ему была возвращена университетская кафедра истории Казахской ССР, основателем которой он был сам, и последние десять лет жизни стали для него самыми плодотворными. Он оставил после себя сто с лишним трудов, среди которых такие солидные монографии, как «Присоединение Казахстана к России» и «Очерки истории Казахстана XIX века», «Казахстан в 20-40 годы XIX века», школьные учебники по истории Казахстана. Он дал путевку в большую науку двадцати ведущим историкам республики, тысячам учеников, был редактором доброго десятка томов работ аспирантов и молодых соискателей, заложив тем самым фундамент исторической науки в нашей республике. В 1962 году за крупный вклад в развитие исторической науки Ермухан Бекмаханович был избран членом-корреспондентом республиканской Академии наук. Он сделал много, и память о нем жива.

* * *

Он, как и многие, находился на пути свободного выбора и мог взять любую тему для работы. Мог найти такую тему, которая обеспечила бы ему однолинейные, одноактные выводы, неуязвимые положения и спокойную жизнь. Но не таков был Ермухан Бекмаханович. Он явился в историю не как искатель легкой жизни, а как исследователь исторической истины. Его интересовали сложные исторические коллизии, важнейший стык мировой истории, где вошли в соприкосновение, с одной стороны, казахское кочевое общество, а с другой – две России: несущая защиту от внешних врагов и в то же время колониально-экспансивная. Эти проблемы не укладывались в какой-нибудь плакат, здесь впору был такой лишь, как у Бекмаханова, ум, такое мастерство исследователя и безупречная порядочность ученого.

Его работа, как известно, не принесла ему легкой жизни. Но он оставил о себе бессмертную память.

Яков СЕРОВАЙСКИЙ, доктор исторических наук

* * *

Ученые бывают разного типа. Один сидит дома, пишет, исследует, большей частью это остается в тени, частично печатается, но, как правило, не вызывает ни споров, ни дискуссий, ни даже иногда живого интереса. Бывают другого типа ученые – борцы, которые могут ошибаться, срываться, но всегда будут искать, будут искренне защищать свои взгляды, даже пусть иногда неправильные, будут исправлять их так же искренне, будут спорить темпераментно, смело, заинтересованно, чтобы эти взгляды стали достоянием общественности, чтобы они помогли движению науки вперед. И Ермухан Бекмаханович был такого типа ученым-борцом.

Григорий ДАХШЛЕЙГЕР, доктор исторических наук

* * *

В те годы у нас в КазГУ было очень сильное научно-студенческое общество – НСО. Ответственным за общественные науки в нем был Ермухан Бекмаханович. И вот тогда, в 1948 году, я, впервые написав под его руководством большую работу, был удостоен грамоты НСО и совершенно фантастической по тем временам денежной премии. И вдруг Ерекен говорит: «А ты преврати эту тему в кандидатскую работу». Сделав так, я хорошо защитился, после чего меня пригласили старшим преподавателем Алма-Атинского зооветеринарного института.

Мы все – его студенты и аспиранты очень переживали такой тяжелый для него период кошмарных перипетий. И когда он вернулся после ссылки, решили отметить его возвращение. Пригласили в ресторан. Он был, видимо, болен, все время кашлял. Сидя в отдельной кабине, мы разговаривали. Эпизод за эпизодом, Ерекен вспоминал тяжелые дни, проведенные в лагере, и... плакал. Я никогда до этого не видел мужских слез и был обескуражен. «За что? – вновь и вновь недоумевал он. – За что меня так наказали?». А когда прощались, растроганно благодарил: «Спасибо, ребята, теперь я редко бываю так откровенен с людьми. Мои бывшие друзья меня обходят». Да, после возвращения многие еще долго сторонились его. Время было такое, и это я хорошо знаю по собственному опыту.

Молодой активный коммунист, успешный преподаватель, я, как только пришел в институт, был включен в состав его парткома. И хотя, как мне казалось, я пользовался уважением и авторитетом, меня то и дело вызывали то на одни, то на другие идеологические разборки. Райком, горком, обком – партийные, а потом и иного рода органы. Таскали за то, что я ученик Бекмаханова. Помню, один небольшого роста майор в известном сером заведении по улице Дзержинского очень долго допытывался: «Ну, скажи, ну, вспомни, ну, признайся – какими враждебными мыслями делился с тобой Бекмаханов. Что из его высказываний тебе больше всего запомнилось? Какими словами чернил он русский народ?» «Ничего такого, – отвечаю, – никогда он не говорил. А о русском народе вообще разговоров не было». Но майор настаивает, настаивает еще, а потом еще и еще. Хитро так предложения строит: какие, мол, друзья были у него, кто они, чем дышат? Домогался. Или потом первый секретарь обкома, видать, из рабочих: «Ну, че ты молчишь? – кричал на меня. Вот так именно – «че». – Отвечай, кто там в вашем окружении! Ученички тоже мне!». Долго меня так терзали, а в «сером доме» даже угрожали. Мы, мол, всеильные, что захотим, то и сделаем. Если уж профессору «четвертак» закатали, то ты для нас и вовсе букашка. Раздавим, и все тут! Словом, карательная машина не выходила из строя ни на минуту.

Муса БЕСБАЕВ, доктор исторических наук

2005 год